

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 14

Москва
2014

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Максимов Л.В.</i> Мораль в единственном числе	5
<i>Гельфонд М.Л.</i> К вопросу о соотношении морали и цивилизации	25
<i>Сырودهева А.А.</i> Малое и большое: открывая другую сторону	35
<i>Прокофьев А.В.</i> Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы	43

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Апресян Р.Г.</i> Проблема Другого в философии Аристотеля	65
<i>Зубец О.П.</i> Об одном месте из «Никомаховой этики»	86
<i>Гечмен Д.</i> Концепция беспристрастного наблюдателя и проблема души–тела в философии Адама Смита	111
<i>Аванесов С.С.</i> Автономия воли: Кант и Шопенгауэр о бесцельности нравственного действия	148
<i>Сочилин А.А.</i> Этический смысл различения Гегелем «моральности» и «нравственности»	160
<i>Белов В.Н.</i> Этика в системе философского критицизма Германа Когена	174
<i>Троицкий К.Е.</i> Макс Вебер как Анти-Толстой	200
<i>Кашуба М.В.</i> Этика в философских курсах профессоров Киево-Могилянской академии	217
<i>Плотников Н.С.</i> Очерк о феноменологической этике Д.И.Чижевского	240
<i>Демидова Е.В.</i> Отсутствие Другого в философии поступка М.М.Бахтина	271
Резюме	289
Summary	294
Об авторах	299

Е.В. Демидова

Отсутствие Другого в философии поступка М.М. Бахтина

Михаил Михайлович Бахтин известен как один из ярких представителей философии диалога. Его имя стоит в ряду с Ф.Эбнером, Ф.Розенцвейгом, М.Бубером, О.Розенштоком-Хюсси, Э.Левинасом и другими выдающимися философами XX в. Бахтин был одним из первых заговоривших на новом языке диалога, полифонии. В его трудах были высказаны и разработаны многие идеи, ставшие центральными в философии диалога. Но в одной из ранних работ Бахтина – в эссе «К философии поступка» диалогизм практически незаметен. Я как будто бы эгоцентрично и в своей эгоцентричности однозначно монологично. Бахтин не утверждает, что Другого вообще нет. Но Другой не представлен как целостная личность, партнер взаимодействия, общения, равноценный участник intersубъектного отношения. Другой – просто часть не-Я. Другой здесь даже не обозначен, он лишь намечен как нечто иное, условие поступка, совершаемого личностью. Проблема Другого возникает как проблема тогда, когда Другой принимает неявные формы во взаимодействии: он может быть невидимым, но присутствующим в уме того, кто совершает действие; он может выступать в какой-либо превращенной или обобщенной форме. И тем самым Другой занимает в поступке Я определенное место, выступает в качестве мотива и цели поступка Я. В отсутствие же Другого действие, которое приобретает статус нравственного тогда, когда является ответом на запрос Другого и способствует благу его, не может состояться как нравственное. А прояснение проблемы Другого в таком случае должно быть прояснением этих скрытых, но все же присутствующих форм Другого.

Эссе «К философии поступка» бахтиноведы обоснованно относят к пред-диалогическому этапу творчества Бахтина. Примечательно, что невыявленность Другого присуща именно данному эссе; в других произведениях того периода, в особенности в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», картина иная. В работе «К философии поступка» поступающий ни мысленно, ни практически не соотносится с Другим. Поступающий сконцентрирован на себе – на своих восприятиях, чувствах, мыслях, поступках. И совершает свой поступок не в ответ на нужду или призыв, исходящий от Другого.

* * *

Эссе «К философии поступка» – это фактически незавершенная рукопись, создававшаяся, по замыслу автора, так и не осуществленного, как основа обширного произведения. Предположительно, она в своей значительной части была создана в Витебске, где Бахтин жил 1920–1924 годы. Известное теперь название это эссе получило при первой публикации, осуществленной С.Г.Бочаровым в середине 1980-х годов¹. Это эссе не вызывает у бахтиноведов такого же интереса, как фундаментальные произведения Бахтина «Поэтика Достоевского» или «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Тем не менее эссе «К философии поступка» не осталось в стороне от пристального взгляда исследователей. Но в большинстве работ это эссе рассматривается вместе с другими ранними произведениями Бахтина. Известные бахтиноведы К.Кларк и М.Холквист на основе анализа работ Бахтина начала 1920-х годов – «Искусство и ответственность», «Автор и герой в эстетической деятельности» и некоторых других – пришли к выводу о том, что эти работы, по-видимому, могут выступать как разные попытки Бахтина написать единый труд, который они озаглавили «Архитектоника ответственности»². Л.А.Гогтишвили в статье «Варианты и

¹ О чем мы знаем из предисловия публикатора к публикации эссе. См.: Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 81.

² Кларк К., Холквист М. Архитектоника ответственности // Михаил Бахтин: pro et contra / Сост. К.Г.Исупов. СПб., 2002. С. 37. Известный исследователь творчества Бахтина В.Л.Махлин также использует название «Архитектоника ответственности», когда говорит о произведениях этого периода.

инварианты М.М.Бахтина» также на материале ранних работ (но не только) Бахтина проводит анализ понимания им проблематики *Я – Другой* и стремится выявить единый стержень для понимания всего Бахтина: это – персоналистический дуализм. Для искомого Бахтиным нравственного бытия необходимо и четкое различие Я и Другого и в то же время неизолированность их друг от друга, а также освобождение от иллюзорных форм идеологического, социального, психологического и др. единства. Бахтин призывает увидеть те формы и тенденции общекультурного развития, которые способствуют или противостоят смешению Я и Другого. Под смешением Бахтин понимает преобладающие в различные исторические эпохи установки либо с акцентуацией на Я, тогда Другой подобен мне, либо на Другом, тогда Я подобен Другому. Гогтишвили анализирует различные исторические формы смешения Я и Другого, как они представлены у Бахтина, особенно ярко в «Авторе и герое в эстетической деятельности», выражающиеся в многообразных формах взаимного подавления и одержания, что приводило к деформации нравственного бытия. Я и Другой взаимно нуждаются друг в друге, взаимно обуславливают и конституируют друг друга. «Без этой пары не будет смыслового пространства и для самой идеи персональности, так как личность может быть противопоставлена (и сопоставлена) только личности же, но не природе, не идее, не факту, не смыслу и т. д.»³. Она рассматривает тенденции, четко не артикулированные, но имплицитно присутствующие у Бахтина, приводящие к монологизму. С одной стороны – это наивный индивидуализм (буржуазного типа), с другой – «роковой теоретизм», ничье сознание, сознание вообще. Приоритет Другости с самоотрицанием приводит к «самокапризничанью» – индивидуализму – монологизму. А рассмотрение Другого по аналогии с собой – через позицию авторитетной коллективной другости к тоталитарной позиции, которой должно подчиниться и само Я. Это другой монологизм – сознание вообще. Н.К.Бонецкая видит Бахтина «двуйпостасным»: один Бахтин – автор труда о Достоевском и совсем другой – автор ранних работ. Анализируя бахтинское понимание ценностей и культуры в двадцатые годы, Бонецкая отмечает неокантианские

³ Гогтишвили Л.А. Варианты и инварианты М.М.Бахтина // Михаил Бахтин: pro et contra / Сост. К.Г.Исупов. С. 102.

влияния⁴. А.П.Козырев посвящает свою работу выяснению понимания «Другого по-русски» (в русской философии), отмечая отношения между Я и Другим в качестве истока философии диалога Бахтина⁵. Он пишет о том, что не Бахтин является в русской философии первооткрывателем темы Я – Другой. В русской философии эта тема звучит и как Я-Ты или Я-Мы у Бердяева и Франка, например. Также Козырев считает, что тема коммуникативности как неотъемлемой черты социальности вырастает из соловьевской концепции всеединства. Но Козырев тоже анализу подвергает работу «Автор и герой в эстетической деятельности».

По тексту эссе «К философии поступка» не просто определить его философские предтечи. В нем трижды упоминается имя Г.Риккерта (1863–1936). Это не случайно. Признание Бахтиным марбургской школы неокантианства известно. Об этом говорил он сам, например, в беседах с В.Д.Дувакиным⁶. На идейные созвучия между Бахтиным и марбургской школой прямо указывала в своих воспоминаниях Ю.М.Каган⁷ – дочь М.И.Кагана, которого Бахтин в разговорах с Дувакиным называет близким другом⁸. Известно, что в Невельский период своей жизни Бахтин много общался с М.И.Каганом, который посещал лекции Г.Когена в Германии и был сильно увлечен его идеями⁹. Тема неокантианских корней бахтинских взглядов затрагивается рядом бахтиноведов¹⁰. Наибольшее

⁴ *Бонецкая Н.К.* М.Бахтин в двадцатые годы // Михаил Бахтин: pro et contra. С. 132–201.

⁵ *Козырев А.П.* Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М.Бахтина // Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004–2009 / Сост., общ. ред. А.Н.Паршина. Вып. 12. М., 2011. С. 307–328.

⁶ *Бахтин М.М.* Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 45.

⁷ *Махлин В.Л.* «И так далее, и ничего подобного»: Памяти Юдифи Матвеевны Каган // Бахтинский сб. V / Отв. ред. В.Л.Махлин. М., 2004. С. 603–617.

⁸ *Бахтин М.М.* Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 47.

⁹ *Каган М.И.* (1889–1937) – близкий друг – по собственному признанию М.М.Бахтина. Учился 8 лет в Германии у Г.Когена, П.Нагорпа, Э.Кассирера и др. См.: *Пул Б.* Роль М.И.Кагана в становлении философии М.М.Бахтина (от Германа Когена к Макс Шелеру) // Бахтинский сб. III / Отв. ред. В.Л.Махлин. М., 1994. С. 162–181. Автор статьи справедливо указывает на неокантианскую основу философских взглядов Бахтина.

¹⁰ *Робертс М.* Поэтика, герменевтика, диалогика: Бахтин и Поль де Ман. С. 119–137. *Николаев Н.И.* М.М.Бахтин. Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сб. V. С. 210–280.

влияние на Бахтина оказала философия Г.Когена (1842–1918) – видного представителя марбургской школы. Это влияние проступает, в частности, в использовании языка и логики неокантианцев, даже если их понятия наполняются для Бахтина новым смыслом.

* * *

В эссе «К философии поступка» основное рассуждение, какие бы разные темы ни затрагивались, развивается вокруг фигуры Я – поступающего и в своих поступках ответственного. Бахтин заявляет, что намерен создать новую первую философию, которая может быть только нравственной философией, причем не теоретической, но феноменологией мира поступка. Иными словами, эта новая философия не может строить теорий, общих понятий и законов, но может быть только описанием мира поступка. Причем это описание должно носить «участный» характер, выражать мое ценностное отношение к предмету. Он критикует научный и этический «теоретизм» как оторванный от реальной действительной жизни, как мертвые схемы, не имеющие выхода к практике – к поступку человека – и нисколько не помогающие современному человеку правильно поступать. Исходным пунктом рассуждения у него становится то, что поступок оторвался от своих корней – он онтологически не укоренен. Поступок больше не является выражением цельной, осмысленной личности. Мотивация такого поступка целиком находится в сфере логики некоего предметного пространства. Бахтин пишет о том, что мы уверенно себя чувствуем тогда, когда поступаем не от себя, а «как одержимые имманентной необходимостью смысла той или другой культурной области», и совсем неуверенно и неясно, когда мы имеем дело с самими собой. Нужно объединить объективное смысловое содержание и субъективный процесс совершения поступка. Соответственно, главный вопрос, который стоит перед Бахтиным, – как снова укоренить поступок? И он указывает путь: «На первом месте для укоренения поступка должна находиться персональная причастность единственного бытия и единственного предмета»¹¹. Решение этого вопроса он

¹¹ Бахтин. М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 121.

связывает с восстановлением *единства и целостности* поступка, что в свою очередь является частным проявлением более широкой программы, которую провозгласил Бахтин в своей первой маленькой заметке «Искусство и ответственность»¹²: необходимость восстановления целостности личности, которая только и способна к совершению поступков и превращению всей своей жизни в сплошное поступление. «Автор акта-поступка – теоретически мыслящий, эстетически созерцающий, этически поступающий»¹³. Здесь речь идет о том, чтобы объединить три сферы культуры: науку, искусство и жизнь через приобщение их к единству личности. Это единство должно быть органическим единством, т. е., по мнению Бахтина, быть пронизано единым смыслом. Единство этим областям придается единством ответственности и вины: человек должен своей жизнью отвечать за свои творения, будь то произведения искусства, научные открытия или просто поступки. Личности, говорит Бахтин, предстоит «стать сплошь ответственной»¹⁴. Именно ответственность знает «единый план» и «единый контекст». Личность должна стать единой и единственной, поступок должен стать единым и единственным.

Когда Бахтин говорит о поступке, то критерием моральности поступка выступает «*единство единственности и ответственности*»: человек должен признать и принять свою единственность и незаместимость в любой конкретной ситуации, действовать исходя из этого, принять и нести полноту ответственности за свое действие. Здесь не стоит вопрос о соотношении с какими бы то ни было нормами для определения нравственного качества поступка. Бахтин фактически настаивает на бесконечном доверии к поступающему. «Нет определенных и в себе значимых норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным. Вернее, вообще должным (ибо нет специально нравственного долженствования)»¹⁵.

¹² Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 5.

¹³ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 102.

¹⁴ Бахтин М.М. Искусство и ответственность. С. 5.

¹⁵ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 85.

Можно легко заподозрить бахтинского поступающего в релятивизме и субъективизме. Современная эпистемология провозглашает принцип доверия субъекту. Смысл этого доверия в том, что субъект познания вовсе не является злонамеренным искажителем результатов познания. В большинстве случаев он искренне стремится к получению истинного и верного знания. По аналогии можно говорить о доверии нравственному субъекту, совершителю поступка. Если посмотреть на доверие нравственной личности и ее поступку в свете главной идеи Бахтина о восстановлении целостности личности и ее тотальной ответственности за свое бытие, то, при принятии этих условий, мы можем доверять такой личности. Если же личность еще фрагментирована, то нужна какая-то специальная система координат, позволяющая определять нравственное качество поступка.

Бахтин на протяжении всего эссе говорит о единстве и единственности поступка. Термин «единственный» он предпочитает термину «единство». Частотный анализ текста подтверждает важность темы единственности для Бахтина: число употреблений слов с этим корнем разительно превышает число употреблений другокоренных слов. Так, число употреблений слов «единственный», «единственное» – 267, «единство» – 83, «единственность» – 57, «единое» – 74. Всего – 481. Для сравнения приведем число употреблений других важных для Бахтина терминов: «событие» – 83, «событийность» – 28 (всего – 111); «ответственный» – 73, «ответственность» – 24 (всего – 97); «долженствование» – 68; «этика» – всего 23 употребления, «этический» – 16. Так что можно было бы назвать это эссе «О единственном единстве», и это было бы достаточно обоснованным названием.

Бахтинский поступающий – по факту одинокий, т. е. пребывающий в отсутствие других. При этом он еще должен осуществить свое призвание, или свою заданность, или долженствование – стать единственным, т. е. осознать свою единственность как индивидуальную ответственность и совершить единственный поступок. Единственный у Бахтина – это единственно возможный, который должен стать единственным действительным. Он не обязательно одинокий. Но в данном эссе – объективно – одинокий.

Единственный, или одинокий, поступающий у Бахтина монологичен. Рядом с ним нет Другого, с которым он мог бы поговорить. Можно истолковать эту монологичность как *бытие наедине*

с самим собой, когда человек предается размышлениям о самом себе, своем предназначении, смысле жизни и т. д. Можно сказать, что в это время формируется ценностное ядро личности, те принципы, согласно которым она может осуществить поступок в решающий момент. Это одиночество зачастую не является одиночеством в том смысле, что человек совершает внутренний диалог, говорит с самим собою. Правда, в эссе «К философии поступка» Бахтин не пишет о таком одиночестве и таком диалоге. Эта тема будет разрабатываться им позже. Но, думается, это важная часть на пути к выполнению задачи восстановления цельной личности, которая только и может осознать и принять свою единственность и в надлежащий момент сказать: «Кто, если не Я?»

Фактически бахтинский поступающий находится наедине с собой, в состоянии единственности. Но это не штирнеровский единственный, для которого весь мир, включая других, рассматривается как его собственность, над которой он возвышается «как султан и не потерпит никого, кто отважился бы не быть его собственностью». Бахтин специально отмечает, что центральное положение Я вовсе не представляет собой ценностную центральность Я. Единственный у Бахтина занят познанием (конституированием) себя и мира. Причем познание себя подчинено важной задаче: *сбирания себя воедино*. Бахтин затрагивает здесь важную этическую тему обращения к самому себе, диалога с собой. Человек и обретает качество личности лишь *наедине с собой*, сохраняя себя в качестве человека в отсутствие других¹⁶.

Я, поступая, конституирует себя и мир вокруг себя – не-Я. И Я и не-Я у Бахтина даны и заданы так же, как и все отношения между ними. Бахтин пишет: «ни один предмет, ни одно отношение не дано здесь как просто данное, просто сплошь наличное, но всегда дана связанная с ним заданность: должно, желательно... переживая предмет, я тем самым что-то выполняю по отношению к нему, он вступает в отношение с заданностью, растет в ней в моем от-

¹⁶ В истории мысли существует богатая традиция и жанр разговора с самим собой, в которой разговор выступает как практика самопознания, в процессе которой и происходит формирование личности. Человек должен осознать свою единственность, свою ответственность, индивидуальную ответственность. В процессе этого осознания, на основе его выкристаллизовывается личность. См.: *Апресян Р.Г. «Солилокия» Шафтсбери: устройство морального субъекта // Этическая мысль / Отв. ред. А.А.Гусейнов. Вып. 13. М., 2013. С. 151–174.*

ношении к нему»¹⁷. Пара данное – заданное многократно используется Бахтиным в эссе. Она выражает важную для него мысль: предмет не только дан, а еще и задан; отношение тоже не только дано, но задано. Здесь явно присутствует терминологическое заимствование из философии Когена (содержательно – не тождественное). Это его философия строится на четырех китах: данном и заданном в когнитивном конституировании и данном и заданном в моральном конституировании. Для Бахтина данность любого объекта – это ставшее прошлое и в определенном смысле небытие уже, так как он пишет о том, что ставшее и неподвижное не может быть воспринимаемо. Когда мы воспринимаем какой-либо объект, то он становится изменяющимся, частью события, он входит в бытие для нас, получая эмоциональную окраску в соответствии с конкретной наличной ситуацией и взывая к нам, к нашей должноствующей структуре сознания.

Я само себе дано, но оно и задано в том смысле, что должно себя осознать и доконструировать, как в смысле внешнего тела, так и в смысле внутреннего духа (об этом Бахтин подробно пишет в работе «Автор и герой в эстетическом произведении»). Дотраивание идет как по линии познания себя и мира, так и по линии формирования или выстраивания себя как морального субъекта¹⁸. Об этом хорошо пишет А.А.Гусейнов. Рассматривая Аристотеля как представителя этики добродетелей, имеющей дело с конкретными, единичными поступками в конкретной ситуации, а Канта как творца закона универсализуемости нравственного требования, обобщающего всеобщность нравственного закона, А.А.Гусейнов предлагает трактовать подход Бахтина как соединяющий индивидуальное, субъективное и универсальное и всеобщее в поступке, опираясь на высказывание последнего о том, что поступок смотрит в две стороны: и в сторону теоретического абстрактного мира всеобщности, или культуры, и в сторону индивидуальной, уникальной ситуации поступка. Человек поступающий, по мнению

¹⁷ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 105.

¹⁸ С.Л.Рубинштейн, ученик Когена, пишет: «Если для Канта важен был мотив, то для Когена действие: этический субъект не есть данность, наличная до своих этических деяний, и, значит, в этических деяниях он не просто проявляется и манифестируется, он в них возникает и порождается. Лишь в этических деяниях этический субъект порождается и тем самым осуществляется» (Цит. по: Сокулер З.А. Герман Коген и философия диалога. М., 2008. С. 66.

А.А.Гусейнова, еще не есть моральный субъект, он становится таковым через совершение морального поступка¹⁹. Иными словами, моральное должествование или заданность может быть представлена таким образом: «Ты должен стать моральным субъектом через совершение поступков, к которым ты призван».

* * *

Поступок в философии поступка Бахтина – это не ответ на помощь или призыв Другого: он вызывается *долженствованием*. Долженствование в представлении Бахтина – это «некая установка сознания», не имеющая специфически этического содержания и смысла, в ней вообще нет никакого конкретного содержания и смысла. Долженствование, по мнению Бахтина, может сойти на любое значимое в себе содержание. Но не само содержание обязывает, а подпись деятеля под ним. Он пишет: «Для долженствования недостаточно одной истинности, но и ответный акт субъекта, изнутри его исходящий»²⁰. Долженствование – это также «категория поступка»; оно определяется не нормами, извне предъявляемыми субъекту, но возникает или формируется у него в ситуации поступка. Бахтин указывает, что поступок абсолютно не случаен, что должествование «нудительно, категорично» для Я.

С точки зрения Бахтина, у поступающего рождается должествование, когда он находится в *событии*. Понимая любое событие как единство данности и заданности, Бахтин поясняет это так: вступая во взаимодействие с предметом или человеком, даже мысля их – мы обогащаем их, тем самым изменяя во время этого процесса. Иными словами, происходит конструирование Другого или предмета, достраивание их. Сам предмет или человек становится «меняющимся моментом свершающегося события»²¹. Мы выделяем желательное или нежелательное, и таким образом формируется заданность предмета или человека. Или, словами Бахтина, формируется должествование, ценность. Для Бахтина ценность пред-

¹⁹ См.: Гусейнов А.А. Закон и поступок // Этическая мысль / Отв. ред. А.А.Гусейнов. Вып. 2. М., 2001. С. 23.

²⁰ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 85.

²¹ Там же. С. 106.

мета заключается в его функции: «Предмет неотделим от своей функции в событии в его соотношении со мной. Но эта функция предмета в единстве нас объемлющего действительного события – есть его действительная, утвержденная ценность, т. е. эмоционально-волевой тон его»²². В понимании Бахтина, заданное – это долженствование и одновременно (через запятую) *желаемое*. Можно согласиться с Р.Грюбелем, обращающим внимание на непроясненность *заданного* у Бахтина: происходит смешение двух модальностей: *долженствовования* и *желательности*. Причем последняя, конечно же, в нормативном отношении менее строгая. Грюбель считает, что, возможно, для Бахтина эти модальности были компонентами ответственности, но никаких конкретных путей решения этой проблемы Бахтин не наметил²³.

Для Бахтина добавление *желаемого*, чувственного, т. е. индивидуально окрашенного в строительство долженствования является принципиальным. Подчеркнуть индивидуальность действия человеку позволяет *эмоционально-волевой тон*. Если, по мнению Бахтина, мы попробуем очистить ситуацию от субъективного, эмоционального компонента, то у нас исчезнет *участное* восприятие и мы опять останемся в теоретическом мире всеобщего, бесполезного для конкретного поступка. Бахтин отмечает, что нельзя со стороны третьего абстрактно посмотреть и оценить поступок, так как для меня данный поступок – одно, для того, кто со мной в этой ситуации, мой поступок – другое, а для постороннего наблюдателя – это третье. В 1920-е годы в эстетике и филологии, как пишет Л.А.Гогтишвили, происходило тотальное изъятие аксиологического²⁴. В противоположность этому – для Бахтина любое действие человека обладает своей тональностью, «эмоционально-волевым тоном», которые нельзя от него отъять. Потому что *именно это* принадлежит Я в его активности. Такой ход мысли Бахтина вызывает закономерные вопросы. Можно ли целиком доверять своему чувству приятного или неприятного, желательного или нежелательного, чтобы на основании этого совершить долж-

²² Бахтин М.М. К философии поступка. С. 106.

²³ См.: Грюбель Р. Проблема ценности и оценки в творчестве Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 1. С. 40.

²⁴ Гогтишвили Л.А. Автор и его ролевые инверсии // Владимир Соломонович Библер / Под ред. А.В.Ахутина, И.Е.Берлянд. М., 2009. С. 316.

ный поступок? Каковы гарантии того, что поступок при этом будет нравственным? Из текста Бахтина, скорее всего, следует, что поступку достаточно быть должным и это автоматически делает его нравственным.

Бахтин привлекает внимание к субъекту и именно к его индивидуальному месту в мире. Этот субъект создает ценности, подчиняя их созданию своему чувству приятного и неприятного. Он конституирует ценности внутри ситуации поступка. Он «заказывает музыку». И здесь рождается долженствование. Долженствование – это та же заданность, рассмотренная выше. У Бахтина конституированием занимается реальный индивид и в этом процессе участвует не только разум, но и воля, чувства и эмоции человека.

Согласно Бахтину, главное для человека в долженствовании – это призвание осуществить свою единственность в данном конкретном поступке, в данном конкретном событии, потому что на этом месте именно Я, и никто другой не сможет поступить так, как Я может поступить сейчас. Долженствованием утверждается единственность нахождения Я в мире, причастность Я событию. Я *должно быть*. Познание предмета – это познание того, что Я должно сделать по отношению к нему. Это рассуждение завязывается на познание и определение ситуации поступка, которая и определяет мое действие. Но если нет диалога, то можно говорить только об эстетическом, чувственном восприятии Другого с элементами догадывания и конструирования Другого по модели себя. Здесь Я как раз может провести мысленный эксперимент на тему: как бы оно хотело, чтобы с ним поступали Другие, так и само должно поступать. Если бы Я вступило в диалог с Другим, то, вероятно, смогло бы узнать об актуальной нужде Другого и поступить не по аналогии с собой, а исходя из уникальности наличной ситуации. Возможно, подобная логика содержится в критике Бахтиным всеобщности нормы или универсальности нравственного закона. «Конкретное долженствование есть архитектурное долженствование: осуществить свое единственное место в единственном событии-бытии, и оно, прежде всего, определяется как ценностное противопоставление Я и Другого»²⁵. Здесь содержится указание на Другого, но опять же Бахтин имеет в виду, что цен-

²⁵ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 138.

ность Я для Я и ценность Другого для Я различны. Место Другого здесь указано Бахтиным: наличие Другого позволяет возникнуть долженствованию, но роль Другого в возникновении поступочно-го долженствования Бахтиным не артикулирована.

Вернемся к вопросу, откуда поступающий будет знать, что должно, ведь Бахтин пишет о том, что сам нравственный субъект будет знать, когда и что является нравственно должным или вообще должным²⁶. Как нам удостовериться в правильности долженствования? Ключ к пониманию доверия поступающей личности нам может дать представление о *бытии долженствования* у Когена. Если не углубляться в подробности, то можно говорить в определенном смысле о тождестве у него бытия – мышления – долженствования. Если Бахтин в данном месте все-таки рассуждает аналогично Когену, то, следовательно, уверенность Бахтина в том, что поступающий сам будет знать, что должно и как следует нравственно поступить, покоится на том основании, в котором бытие понимается как стихия мышления. Рождающееся долженствование по природе своей истинное. Так как оно рождается в стихии мышления, которое есть само бытие. Но в тексте эссе мы имеем критику такой позиции, что если человек мыслит, то, следовательно, должен мыслить истинно и соответственно оценивать. Поэтому ответить на вопрос о том, что гарантирует истинность индивидуального долженствования, исходя из рассуждения Бахтина в эссе, не представляется возможным.

* * *

Миру Я у Бахтина противопоставит мир не-Я. «Изнутри моего частного бытию сознания, – пишет он, – мир есть предмет поступка, поступка-мысли, поступка-чувства, поступка-слова, поступка-дела. Противостояние предмета, пространственное и временное, – таков принцип кругозора; предметы не окружают меня, моего внешнего тела, в своей наличности и ценностной данности, но противостоят мне как предметы моей жизненной познавательной-этической направленности в открытом, еще рискованном со-бытии бытия, единство, смысл и ценность которого не даны, а

²⁶ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 83.

заданы»²⁷. И, если в одном из мест эссе Бахтин пишет о том, что событие создают несколько *личных миров*, то в данном фрагменте мы не видим людей, а только *предметы*, которые участвуют в событии. Обратим внимание на то, что поступок направлен не на человека – Другого и осуществляется не в присутствии других людей: нам представлены *предметы*, которые окружают Я в кругозоре, т. е. те предметы, которые видит и воспринимает Я. И предметы противостоят Я в познавательной-этической направленности. Где здесь Другой? В восприятии и конструировании мира Я и вокруг Я нет Другого, выделенного из предметного мира, или он существует наряду с предметами. Собственно, по сути, об этом и говорит Бахтин: «Другой человек для меня весь в объекте, и его я – только объект для меня»²⁸. Намеком на присутствие людей в этом предметном обстоянии является указание Бахтиным не только познавательного, но и этического противостояния предметов²⁹. Значительно позже Бахтин напишет, что для познания предметов достаточно созерцания, в то время как познание человека возможно только через диалог. Проблемой здесь является то, каким образом выделяется (если выделяется) конституирование другого человека или других людей по сравнению с конституированием предметов. В данном эссе нет такого особо выделенного конституирования Другого.

Все-таки Другой появляется у Бахтина, и Я замечает его: «То, что я со своего единственного места хотя бы просто вижу другого, думаю о нем, не забывая его, то, что и для меня он есть – это только

²⁷ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 19.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ Хотя, если Бахтин рассуждает аналогично М.Буберу, который распространяет отношения Я – Ты и на людей, и на предметы, тогда этическое противостояние не только людей, но и предметов, конечно, становится возможным. По Буберу, мы можем вступать в личные сущностные отношения с предметами (с деревом, со звездами, с кошкой). Если иметь в виду в качестве цели философии поступка Бахтина восстановление *целостной личности*, то тогда она может нравственно реагировать на все, что попадает в фокус ее внимания и ответственного поведения. Ведь Бубер в «Я и Ты» тоже рассуждает именно о целостном человеке, который только и может участвовать в отношении, в противоположность частичному человеку из пары Я – Оно – познающему и присваивающему мир вокруг себя. Бубер ясно и отчетливо обозначает различные способов бытия человека в Я – Ты и Я – Оно, чего не скажешь о Бахтине. (См.: Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1995.)

я могу сделать для него в данный момент во всем бытии, это есть действие, восполняющее его бытие, абсолютно прибыльное и новое и только для меня возможное. Это продуктивное должностное действие и есть должностующий момент в нем»³⁰. Однако, хотя Другой увиден Я, он абсолютно пассивен. Бахтин указывает на его роль по отношению к Я (Я его замечает, думает о нем, видит, не забывает), т. е. Я вводит его в существование для себя, Я выделяет его из общего контекста не-Я; Другой вызывает реакцию Я. Кларк и Холквист делают небольшой экскурс в область биологии, рассуждая о том, что живое отличается от неживого реакцией, или ответом. Но если у низших живых организмов ответ всегда однотипен, то у человека ответ всегда различен. И это делает уникальным бытие человека и человечества в целом. Как ни покажется это странным, логика Кларк и Холквиста вполне отражает логику Бахтина: «Я, понятое как конкретный ответ целокупного организма на окружение»³¹, с той разницей, что они понимают окружение как социальное окружение, в то время как Бахтин в данном эссе под окружением понимает также и предметную среду.

Более отчетливо Другой появляется у Бахтина в конце эссе, при описании архитектоники события на примере стихотворения «Для берегов Отчизны дальней». Интересно, что этот же разбор, практически дословно, находится в начале работы «Автор и герой в эстетическом произведении». В этом описании читателю становится видимым Другой, с которым идет диалог, но еще в рамках художественного произведения. Из чего можно сделать вывод, что Другой все-таки каким-то образом подразумевался Бахтиным при написании эссе.

* * *

Итак, мы видим, что ранний Бахтин еще совсем не сфокусирован на диалоге, и почитатели Бахтина как теоретика диалога, скорее всего, будут разочарованы его эссе «К философии поступка». Рассуждения в этом эссе практически полностью сориентированы на монологическое и эгоцентрическое Я поступающего. В эссе по

³⁰ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 113.

³¹ Кларк К., Холквист М. Архитектоника ответственности. С. 42.

сути и нет Другого, Другой не предполагается автором. Бахтин говорит только о Я, ощущении Я, восприятии Я, долженствовании Я, ответственности Я. Поступок анализируется им только со стороны поступающего. Вся коммуникация у него представлена таким образом, что Другой (человек или предмет), противостоит поступающему Я и даже не требует от Я ответа. Бахтин ничего не говорит ни о направленности действия на благо Другого, ни о том, чем отличается Другой от иных, в том числе неодушевленных и неживых предметов. Долженствование порождается ситуацией или событием. Соответственно трактуется и восприятие: это – конституирование внешнего мира, выстраивание дистанции между данным, наличным, и заданным, должным. Бахтинский поступающий смотрит, видит свет. В других работах Бахтина герои уже разговаривают и общение протекает вполне внятно. Можно сказать, здесь Бахтин в основном обращается к обоснованию единственности, уникальности бытия личности, необходимости обретения ею целостности и ответственности за свои мысли и действия. В «Авторе и герое в эстетической деятельности» Бахтин дает феноменологическое описание взаимодействия Я и Другого. Он обосновывает конституирующую роль Другого для Я и всего мира Я, показывая, что Я само не может составить о себе *целостное* впечатление и представление, а может только с помощью Другого – именно Другой дарит Я целостность, он завершает Я и может определить, кто Я есть. Получается, что *вне Другого основная задача восстановления целостности личности, которая только и может совершить поступок, не выполнима*. Я нуждается в Другом. Бахтин в написанном позднее произведении «У зеркала» (1943 г.) замечает, что даже в зеркале Я смотрит на себя не собственными глазами, а глазами Другого, что это не есть подлинное Я³². В «Проблемах творчества Достоевского» мыслитель показывает мир людей как сосуществование, полифонию³³ многих отдельных индивидуальностей – лич-

³² Козырев А.П. проводит анализ этого положения, рассматривая Я как Другого в «Человеке у зеркала» у Бахтина, Ходасевича и Друскина. См.: Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М.Бахтина. С. 307–328.

³³ Именно идея полифонии была принята современной мыслью в качестве основания для построения транскультурной этики, а понятие диалога в качестве формы нового социального единства. См.: Nielsen G. Bakhtin and Habermas: Toward a Transcultural Ethics // Theory and Society. 1995. Vol. 24. № 6. P. 803.

ностей со своими мирами. И здесь Бахтиным предлагается диалог как новый способ обретения социального единства. В материалах по переработке «Проблем творчества Достоевского», а также в вышедших в 1962 г. «Проблемах поэтики Достоевского» мы видим Бахтина абсолютным приверженцем диалогизма, фактически отождествляющим бытие и общение. Остается вопрос, почему Бахтин так одинок в этом эссе, также остается вопрос, почему он не дописал философии поступка. Один из ответов предлагает известный исследователь творчества Бахтина В.Л.Махлин³⁴, который пишет о том, что после философского парохода травма была так велика, что Бахтин просто расхотел писать дальше, так как все Другие – его собеседники или собеседники его эпохи – исчезли навсегда.

Библиография

Апресян Р.Г. «Солилоквиа» Шафтсбери: устройство морального субъекта // Этическая мысль / Отв. ред. А.А.Гусейнов. Вып. 13. М., 2013. С. 151–174.

Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 80–138.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

Бахтин М.М. Беседы с В.Д.Дувакиным. М.: Согласие, 2002.

Бонецкая Н.К. М. Бахтин в двадцатые годы // Михаил Бахтин: pro et contra / Сост. К.Г.Исупов. СПб., 2002. С. 132–201.

Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1995.

Гоготшивили Л.А. Варианты и инварианты М.М.Бахтина // Михаил Бахтин: pro et contra / Сост. К.Г.Исупов. СПб., 2002. С. 98–131.

Гоготшивили Л.А. Автор и его ролевые инверсии // Владимир Соколонович Библер / Под ред. А.В.Ахутина, И.Е.Берлянд. М., 2009. С. 181–241.

Грюбель Р. Проблема ценности и оценки в творчестве Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 1. С. 32–67.

Гусейнов А.А. Закон и поступок // Этическая мысль / Отв. ред. А.А.Гусейнов. Вып. 2. М., 2001. С. 3–25.

³⁴ *Махлин В.Л.* Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. М., 2009. С. 69.

Кларк К., Холквист М. Архитектоника ответственности // Михаил Бахтин: pro et contra / Сост. К.Г.Исупов. СПб., 2002. С. 37–71.

Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина // Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004–2009 / Сост., общ. ред. А.Н.Паршина. Вып. 12. М., 2011. С. 307–328.

Махлин В.Л. Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009.

Махлин В.Л. «И так далее, и ничего подобного»: Памяти Юдифи Матвеевны Каган // Бахтинский сб. V / Отв. ред. В.Л.Махлин. М., 2004. С. 603–617.

Николаев Н.И. М.М.Бахтин. Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сб. V / Отв. ред. В.Л.Махлин. М., 2004. С. 210–280.

Пул Б. Роль М.И.Кагана в становлении философии М.М.Бахтина (от Германа Когена к Максу Шелеру) // Бахтинский сб. III / Отв. ред. В.Л.Махлин. М., 1994. С. 162–181.

Робертс М. Поэтика, герменевтика, диалогика: Бахтин и Поль де Ман // Бахтинский сб. V / Отв. ред. В.Л.Махлин. М., 2004. С. 119–137.

Сокулер З.А. Герман Коген и философия диалога. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Nielsen G. Bakhtin and Habermas: Toward a Transcultural Ethics // Theory and Society. 1995. Vol. 24. № 6. P. 803–835.